

Истории Эстериона

Зубы Южного моря

Алекс Кувенрн

Алекс Куверн

**Истории Эстериона:
Зубы Южного моря**

«Автор»

2026

Куверн А.

Истории Эстериона: Зубы Южного моря / А. Куверн — «Автор», 2026

Рассказ из мира Эстериона. Основная серия — «Эстерион: Нити Сомкнутой Завесы». У южных рифов «Медная чайка» встречает торговое судно, дрейфующее под поднятыми парусами. На палубе нет следов борьбы, груз остался нетронутым, обе шлюпки на месте. Но из пятнадцати моряков, которые должны были вести корабль в порт, не осталось ни одного. Первый помощник Давра Сельд поднимается на борт, надеясь найти объяснение исчезновению команды. Вместо ответов её ждут тревожные записи в судовом журнале и странные звуки, доносящиеся со стороны далёких скал. Тем временем с запада надвигается шторм. Времени на поиски почти не остаётся, а каждый новый след заставляет сомневаться, что пропавшие моряки покинули корабль по своей воле. Давре и её товарищам предстоит решить, насколько далеко они готовы зайти ради спасения чужих жизней. Ведь в Южном море опасность не всегда приходит с волнами. Иногда она зовёт знакомым голосом.

© Куверн А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Зубы Южного моря	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алекс Куверн

Истории Эстериона: Зубы Южного моря

Зубы Южного моря

Южное море по утрам притворялось безопасным.

Солнце медленно поднималось из бледной дымки. Море у берега оставалось почти неподвижным, и белые паруса отражались в гладкой воде. За виноградниками светлели скалы, кое-где поросшие низкими соснами. Из маленькой бухты вышла рыбацкая лодка. Над ней тут же закружили чайки, возмущённо перекрикивая друг друга, словно рыбаки уже задолжали им весь улов. На дальнем мысе ещё горела сигнальная жаровня.

Давра Сельд знала, что это ложь. Море не было ни безопасным, ни враждебным — ему попросту не было дела до людей. Даже на крепком корабле, идущем верным курсом, можно было за несколько минут оказаться в беде, с которой не справится и самый опытный капитан. Поэтому Давра не доверяла тихой воде, как не доверяла слишком вежливому сборщику пошлин: самые неприятные условия у обоих обнаруживались слишком поздно.

Она стояла у правого борта «Медной чайки» и смотрела на серую полосу вдаль. Она была орранкой — немного выше большинства матросов, широкоплечей, с выраженными скулами. Из густых волос поднимались два коротких рога, изгибавшихся назад вдоль головы. Когда нижняя снасть качнулась слишком близко, Давра привычно придержала один из них ладонью.

Её предки происходили с сухих восточных плоскогорий, где сильную грозу чувствовали раньше, чем появлялась первая туча. Сама Давра никогда не видела тех мест. Она родилась в Меревале и выросла среди пристаней Сарвена. В пятнадцать лет впервые вышла на Южное море. Хотя Давра никогда не бывала на родине предков, приближение грозы она по-прежнему чувствовала раньше, чем на горизонте появлялись первые тучи. Сегодня у основания рогов уже возникло знакомое тупое напряжение, а воздух словно наливался тяжестью.

К вечеру будет шквал, но пока ветер оставался ровным, западным. «Медная чайка» шла вдоль побережья под двумя косыми парусами, направляясь из Харнской гавани к Белому мысу. В трюме лежали бочки оливкового масла, железные инструменты и крашеное полотно, а восемь ящиков с бутылками капитан Рошет Кальм проверял едва ли не чаще, чем снасти.

Команда состояла из девяти человек, считая капитана и Давру. Для небольшого каботажного судна этого хватало, если море вело себя прилично и никому не приходило в голову заболеть во время поворота. Рошет стоял у кормового помоста, худой, загорелый и неизменно недовольный положением любого паруса. Рулевая Нелва Ройт удерживала курс между береговыми рифами. На носу старый матрос Улло проверял якорную цепь, а юнга Севик выметал с палубы воду после утренней мойки и старательно не замечал, что каждая новая волна возвращает её обратно. Остальные крепили груз и сушили на корме промокшие снасти.

На «Медной чайке» Давра была первым помощником и заодно боцманом. С портовыми грузчиками обычно разбиралась она, особенно когда разговор переставал быть дружелюбным. Даже юнга Севик хорошо знал её характер: он давно усвоил, что плохо завязанный узел Давра замечает даже с другого конца палубы. И что попытка незаметно его поправить лишь делает последующий выговор длиннее.

На левом роге, тёмном у основания и светлеющем к концу, она носила тонкое медное кольцо. В семье Сельдов такие кольца не снимали, пока не исполняли долг, признанный перед другими. Моряки давно решили, что Давра задолжала капитану денег, и она не пыталась их разубеждать. Перед каждым выходом из порта она касалась кольца и пересчитывала людей на

палубе. Рошет привык к этому и терпеливо дожидался, пока она закончит, прежде чем заводить разговор о грузе.

— Парус справа! — крикнул Севик.

Рошет поднял подзорную трубу. Вдали, ближе к берегу, действительно шло судно. Точнее, двигалось вместе с течением. Два паруса были подняты, но передний хлопал, не ловя ветер. Корпус лежал к волне неправильным боком. Слишком далеко от берега для стоянки, слишком близко к рифам для спокойного дрейфа.

— Сигнал, — приказал капитан.

Улло поднял красно-белый сигнальный флаг, запрашивая название судна и его состояние. Давра следила за чужой мачтой, ожидая ответного сигнала, но там лишь беспомощно хлопал парус. По приказу Рошета ударили в носовой колокол. Три удара разнеслись над водой и стихли.

— Подойдём ближе, — решил капитан.

Нелва осторожно изменила курс. «Медная чайка» приблизилась к дрейфующему судну со стороны берега, и вскоре Давра смогла различить золотую полосу вдоль его борта. На корме проступили буквы названия.

— «Семь мер», — прочитал Рошет. — Наш флаг, хотя строили его в Тальмаре.

— Знаю эту посудину, — отозвался Улло, прищурившись. — Делл на ней ходит. Обычно соль возит, иногда ткань. У него человек пятнадцать.

— Тогда куда все подевались? — спросила Нелва. — На палубе ни души.

Давра снова подняла трубу. На «Семи мерах» по-прежнему никто не показывался. Передний парус бился о мачту, а две рубашки, оставленные сушиться на снастях, трепало ветром. Кормовая шлюпка была на месте. Вторая висела у левого борта; насколько Давра могла разглядеть, шлюпбалки и крепления оставались целыми. Если команда покинула судно, то обе лодки почему-то оставила.

Рошет опустил трубу.

— Подойдём с подветренной стороны. Нелва, близко не подпускай. Давра, возьми Улло и Севика.

— Меня? — юнга перестал мести палубу.

— Ты легче всех. Если даже под тобой палуба провалится, остальным там точно делать нечего.

Севик посмотрел на Давру, ожидая опровержения.

— Капитан шутит, — сказала она.

— Наполовину, — уточнил Рошет.

Пока Давра с Улло готовили шлюпку, Рошет окликнул Марта, помогавшего на корме со снастями, и велел приготовить арбалет. Матрос достал оружие из рундука, зарядил и оставил у борта неподалёку от Нелвы. На «Семи мерах» никто не отвечал на сигналы, и капитан предпочитал иметь оружие под рукой, пока его люди осматривали чужое судно.

К борту «Семи мер» подошли на вёслах. Вблизи хлопанье переднего паруса стало почти оглушительным. Ветер бил полотнищем о мачту, но никто не появлялся на палубе, чтобы убрать его. Улло удерживал шлюпку возле высокого борта, пока Давра зацепляла принесённую верёвочную лестницу за край фальшборта.

Улло придержал шлюпку багром, пока Севик закреплял её у лестницы. Давра проверила нож и короткий топор на поясе и перекинула через плечо моток каната.

— Остаёшься здесь, — сказала она юнге. — Без моего разрешения наверх не лезь.

Севик кивнул, хотя продолжал поглядывать на пустую палубу.

Давра поднялась первой. Доски под сапогами скрипнули, но выдержали её вес. Она прошла к грот-мачте, прислушиваясь к звукам судна. Кроме хлопанья паруса и плеска волн за бортом, ничего не было слышно.

Штурвал кто-то закрепил ремнём. Возле мачты лежала аккуратная бухта каната, а на крышке грузового люка стояла кружка, в которую успела натечь дождевая вода. Рядом оставили ведро с известковой краской. Краска подсохла по краям, но никто так и не убрал её с палубы.

Давра огляделась ещё раз. Не было похоже, что здесь дрались или в спешке покидали корабль. Всё оставалось на своих местах, словно люди просто прервали работу и куда-то ушли.

— Улло, поднимайся.

Старый матрос вскоре перебрался через борт с багром и фонарём. Давра дождалась его и направилась к носовому кубрику.

Внутри стоял запах несвежего белья и застоявшегося воздуха. Гамаки покачивались при каждом движении корабля. Под одним из них остались сапоги, поставленные носками к стене. Давра заметила над постелями шнурки с личными знаками — медные пластинки и костяные жетоны с именами. Такие моряки обычно брали с собой, особенно сходя на незнакомый берег.

— Даже знаки оставили, — заметил Улло.

Из камбуза тянуло кислым запахом испорченной еды. В котле пригорела рыбная похлёбка; огонь под ним давно погас, а крышка так и осталась закрытой. Улло заглянул за мешки с мукой и едва успел отдернуть руку.

Оттуда зашипел корабельный кот — худой, взъерошенный и такой злой, будто несколько суток питался одним возмущением.

— Живой, — сказал Улло.

— Ему нужно воды.

Давра поставила миску возле мешка. Кот проводил её руку настороженным взглядом, но из укрытия не вышел. На левом ухе у него запеклась кровь.

Улло присел, пытаясь рассмотреть рану, и заметил царапины на переборке. Глубокие борозды уходили вверх, гораздо выше, чем мог дотянуться кот. Старый матрос провёл взглядом по повреждённому дереву и нахмурился.

В капитанской каюте Давра прежде всего заметила распахнутый шкаф. Она заглянула внутрь, но ничего необычного не обнаружила. Карты на столе никто не сворачивал, судовая касса оставалась запертой. Если Делл собирался покинуть корабль, он почему-то не позаботился ни о деньгах, ни о документах.

Давра задержалась возле стола. Рядом со штурманской линейкой лежал судовой журнал. Она раскрыла его на последней заполненной странице. Запись была сделана два дня назад.

Ветер слабый, море ровное. Прошли Чёрный Зуб. С запада слышны колокола, хотя до ближайшей гавани больше тридцати миль. Рулевая уверяет, что звон идёт с воды. Дважды пересчитали команду. Все на месте.

Ниже другой рукой приписано:

Ночью матрос Нирт услышал голос матери. Она умерла семь лет назад.

На следующей строке перо прорвало бумагу.

Не отвечать голосам. Уши закрыть воском. Никого не оставлять одного.

Давра перечитала запись.

— Сирены? — предположил Улло.

Он произнёс это без уверенности. На Южном море рассказывали о десятках поющих существ. Одни действительно существовали, а на других было удобно сваливать вину, когда матрос напивался на вахте и падал за борт.

— Голоса могли быть магией очарования, — сказала Давра. — Или кто-то выманил команду с корабля.

— Только как они ушли? — Улло посмотрел в сторону палубы. — Обе шлюпки на месте.

— Не знаю. Может, их заставили прыгнуть в воду.

— Всех из пятнадцати?

Давра закрыла журнал.

— Пока мы даже не знаем, сами они ушли или их забрали. Посмотрим вдоль бортов.

Они вышли из капитанской каюты и направились к носу. Улло первым заметил повреждённое дерево возле правого фальшборта. Давра подошла ближе. Глубокие царапины пересекали верхнюю кромку, а железный крюк рядом был отогнут наружу, словно за него ухватились и потянули с большой силой.

Улло присел возле крепления. Между досками темнели засохшие капли крови. Давра осторожно перегнулась через фальшборт и увидела, что повреждения продолжались снаружи. По обшивке вниз, почти до воды, тянулись белёсые полосы, будто что-то скользило вдоль корпуса, цепляясь за дерево.

— На добровольный уход не похоже, — произнёс Улло.

Давра выпрямилась. Она вспомнила царапины на переборке возле кошачьего укрытия, но здесь следы были гораздо длиннее.

— Нет. И всё ещё непонятно, кто кого ташил.

В одном месте застряла полупрозрачная пластинка размером с ладонь. Давра подцепила её ножом. Это было не перо и не рыба чешуя: тонкая, гибкая мембрана, пронизанная тёмными жилами. От неё пахло солью и тухлой рыбой. Из-за борта раздался голос Севика:

— Давра!

Она выпрямилась у носового фальшборта. Юнга стоял в шлюпке, указывая на воду за кормой. Там мелькнуло бледное тело, длинное и узкое. Оно прошло под лодкой, не коснувшись вёсел, и исчезло в синеве.

— Рыба? — спросил Улло.

— С руками, — ответил Севик.

Давра подошла к борту. Вода снова была пустой. Давление в висках усилилось, но причина находилась в воздухе: шторм приближался с запада. По морю пока шла только длинная низкая зыбь.

— Возвращаемся, — решила она. — Кота берём с собой.

Севик подтянул шлюпку к лестнице и перехватил сброшенный Улло канат, удерживая лодку возле борта. Сам Улло задержался из-за кота. Тот встретил попытку посадить его в мешок таким яростным сопротивлением, что старому матросу пришлось пожертвовать половиной найденной сухой рыбы. Даже после этого из мешка ещё некоторое время доносилось оскорблённое шипение.

Давра тем временем завернула судовой журнал в парусину, чтобы не залить его по дороге. Туда же убрала найденную мембрану. Именные знаки из кубрика она положила последними. Если моряков не удастся отыскать, хотя бы эти вещи можно будет вернуть их семьям.

— А груз? — спросил Улло, подходя с мешком к борту.

— Сначала к Рошету. Надо решить, что делать с кораблём, пока его не вынесло на рифы.

Улло осторожно передал мешок Севику, а Давра уже поставила ногу на верёвочную лестницу, когда над морем раздался колокольный звон. Сначала прозвучал один удар, затем, после короткой паузы, ещё два. Она невольно задержалась, узнав знакомый сигнал, которым в южных портах сообщали о свободном проходе.

За годы плаваний Давра слышала его столько раз, что ни с чем бы не перепутала. Но ближайшая гавань осталась далеко позади, и здесь, посреди открытого моря, некому было подавать портовые сигналы. Она вслушивалась в затихающий звон, пытаясь определить его источник, когда колокол ударил снова.

Звук шёл с востока, где вдаль над водой выступали три серых каменных зубца. Давра смотрела на них, стараясь понять, кто мог забраться на эти скалы с колоколом и зачем ему понадобилось подавать сигнал кораблям.

— Там гавань? — спросил Севик снизу, из шлюпки.

— Нет, — ответила Давра, не отводя взгляда от скал.

Колокол прозвучал снова, но на этот раз Давра слышала его совсем с другой стороны. Звон шёл из открытого моря, откуда-то из-за «Медной чайки». Она обернулась и увидела Рошета, который стоял на корме и настойчиво махал им, требуя возвращаться. Нелва удерживала судно на безопасном расстоянии от чужого борта.

Давра поспешила вниз по лестнице. Севик помог ей принять свёрток с журналом, после чего они вдвоём забрали у Улло багор и фонарь. Больше всего хлопот доставил кот: едва мешок оказался в шлюпке, животное принялось вырываться с таким негодованием, что Севику пришлось прижать его к себе обеими руками.

Улло спускался последним. Он уже почти добрался до шлюпки, когда из оставшейся наверху капитанской каюты донёсся женский голос:

— Улло, ты опять оставил огонь.

Матрос перестал спускаться. Голос прозвучал совершенно обыденно, с той усталой укоризной, которую Давра не раз слышала в домах портовых семей. Но Улло смотрел вверх так, словно забыл, где находится, и выражение его лица заставило её немедленно ухватиться за лестницу.

— Улло, спускайся.

Он медленно повернул голову.

— Нара?

Давра знала, что так звали его жену, хотя старик редко рассказывал о ней.

— Вниз, я сказала!

Вместо ответа Улло начал подниматься обратно. Давра успела схватить его за сапог, прежде чем он добрался до следующей ступени. Матрос рванулся вверх с неожиданной силой, соскользнул ногой и ударился подбородком о деревянную обшивку. Однако даже это его не остановило: он попытался выдернуть ногу из руки Давры и снова потянулся к лестнице.

Женщина в капитанской каюте позвала его ещё раз, теперь уже с явной тревогой:

— Улло, здесь дым.

Старик рванулся так сильно, что Давра едва не вылетела из шлюпки. Она левой рукой ухватила за канат, которым шлюпка была закреплена у борта, и упёрлась ногой в скамью. Севик ухватил Улло за второй сапог. Вдвоём они стянули матроса с края обратно на лестницу.

Над бортом медленно показалось бледное лицо. Оно было почти человеческим, если смотреть издали и очень хотеть увидеть человека. Гладкая кожа без волос, огромные чёрные глаза, рот слишком широкий. Существо прижалось к косяку длинными пальцами. По плечам складывались полупрозрачные перепонки.

— Здесь дым, — повторило существо всё тем же женским голосом.

Существо раздвинуло губы, и Давра увидела за ними два ряда тонких зубов, загнутых внутрь. Она изо всех сил рванула Улло с лестницы. Оба повалились на дно шлюпки, едва не сбив Севика, а над ними уже мелькнула бледная тень.

Тварь бросилась через палубу одним невероятно длинным прыжком. Кожистые перепонки, натянувшиеся между руками и боками, подхватили её в воздухе и позволили спланировать к шлюпке. Когти с треском вонзились в деревянный борт как раз там, где мгновение назад находилась голова Улло.

Севик вскрикнул и отшатнулся. Давра ещё не успела подняться с колен, когда существо потянулось к ним, широко раскрыв пасть. Она рубанула топором снизу вверх, попав по натянутой перепонке. Тварь сорвалась с борта и рухнула в воду, огласив море пронзительным многоголосым визгом, уже ничем не похожим на человеческую речь.

Давра перегнулась через борт, пытаясь понять, куда исчезло существо, и увидела под поверхностью ещё три бледных тела. Они скользнули под шлюпкой и пропали в глубине.

— Гребите! — крикнула Давра.

Севик что есть силы оттолкнулся от «Семи мер» и сел на левое весло, Улло — на правое. Старик всё ещё смотрел на «Семь мер», хотя шлюпка уже отходила от борта.

— Нара умерла двенадцать лет назад, — произнёс он наконец. — А я слышал её и поверил. Даже не подумал, откуда она там взялась.

Давра оглянулась на пустую палубу. После увиденного ей самой не хотелось задерживаться рядом с кораблём.

— Они на это и рассчитывают.

— Я ведь обратно полез? — Улло повернулся к ней.

— Полез. Еле стащила тебя с лестницы.

Он опустил взгляд, потёр ушибленный подбородок и некоторое время молчал.

— Спасибо, Давра.

Давра отодвинула ногой мешавший ей канат, когда под шлюпкой что-то тяжело ударило в днище. Вода у борта вспенилась, и из неё вынырнула бледная рука. Длинные пальцы уже тянулись к Севику, когда Давра подхватила багор и ударила железным наконечником по запястью. Рука исчезла, оставив на дереве мокрые следы.

С противоположной стороны шлюпки показалось бледное лицо с прилипшими к щекам волосами.

— Левое весло суши! — приказало существо голосом Рошета.

Севик машинально вытащил весло из воды, продолжая смотреть на «Медную чайку». Улло грёб один, и шлюпку начало разворачивать боком к волне.

— Левым гребь! — донеслось с корабля. — Оба весла в воду!

Это был настоящий Рошет, стоявший у борта. Но Севик не успел выполнить его приказ, как из воды снова раздался тот же голос:

— Левое суши! Не гребь!

Юнга растерянно посмотрел на капитана, затем на существо возле шлюпки. Оба говорили совершенно одинаково, только требовали противоположного.

— Севик, смотри на меня! — крикнула Давра.

Он повернулся к ней, но тут сирена вновь выкрикнула что-то голосом Рошета, и юнга невольно оглянулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.